

Ю.Т.КОМАРОВ, инженер (Москва)

Дом-коммуна — «Слеза социализма»

В первые годы после великой русской революции, страна стала реализовывать решения партии по индустриализации народного хозяйства.

Огромные массы людей, бежавших от раскулачивания, двинулись на стройки социализма для создания новых социалистических индустриальных городов. Эта была главная цель строительства того периода. В связи с этим жилищное строительство совсем перестало успевать за бурным ростом предприятий и количеством рабочих.

После издания 20 августа 1918 г. Президиумом ВЦИК декрета «Об отмене частной собственности на недвижимости в городах» в распоряжение местных советов перешли все наиболее ценные жилые строения. Только в Москве в благоустроенные квартиры было переселено в 1918-1924 гг. почти 500 тыс. чел., а в Петрограде — 300 тыс. чел.

Согласно этому декрету уже в 1918-1924 гг. началось массовое переселение рабочих из лачуг и подвалов в дома, конфискованные у буржуазии и чиновного люда. Бывшие доходные дома, которые передавались Моссоветом заводам и фабрикам Москвы для

улучшения жилищных условий рабочих, начали переделываться под дома-коммуны. Сначала, без всякой политической подоплёки, стихийно, исключительно из прагматических соображений возникали бытовые коммуны, преследовавшие чисто хозяйственные цели. Степень коллективизации хозяйствования колебалась от поочередной уборки общей лестницы и других мест общего пользования до полного слияния хозяйств отдельных семей. Были случаи, когда коммунары создавали общий денежный фонд, который состоял из сдаваемых в полном объёме зарплат членов коммуны вне зависимости от разницы получаемых сумм и выплаты алиментов.

Первый дом-коммуна в Москве был создан на Большой Садовой, д. 10. По данным Управления рабочими домами, к концу 1921 г. в Москве насчитывалось 556 домов-коммун, занятых путем выселения, и 309 — без выселения.

Бесплатное предоставление квартирных площадей не давало возможности местным советам собирать необходимые средства на

ремонт жилого фонда, который продолжал разрушаться (например, как сообщают источники, в Москве к концу 1920 г. практически выбыла из строя треть всего жилого фонда, что, конечно, является явным преувеличением).

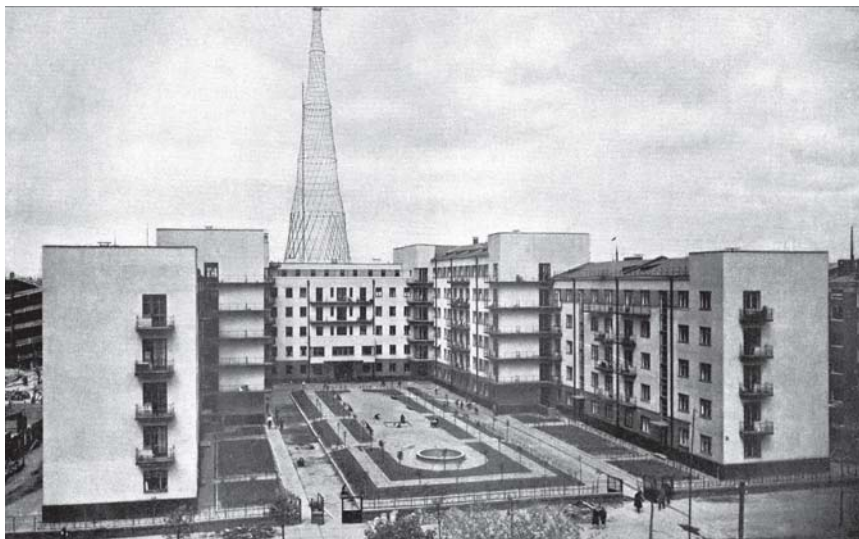
Несколько позже, во второй половине 20-х — начале 30-х гг. дома-коммуны начали сооружаться как многоэтажные здания, состоящие из одного или нескольких блоков, соединённых между собой, с минимальными метражом комнатами и помещениями коммунального и культурно-бытового обслуживания в виде столовых, прачечных, детских секторов, клубов и пр. Примерами могут служить построенные в 1928-1930 гг. архитекторами Г.Я.Вольфензоном и Е.Волковым дома-коммуны по Хавско-Шаболовскому и Хавскому переулкам (ныне улица Лестева). Рабочий жилищно-строительный кооператив «1-е Замоскворецкое объединение» вмещал коммуны из 230 ячеек, 40 отдельных квартир и общественный центр: детский сад, столовую, клуб, летний кинотеатр и солярий с душами на плоской крыше.

В радиусе километра от Шуховской башни были построены четыре конструктивистских жилых массива, на которых можно показывать всю эволюцию градостроительных концепций авангарда — от города-сада (жилмассив Гознака на Мытной) до строчной застройки на бывшей Дровяной площади (ныне улица Лестева) и в Рошинских проездах.

Совершенно особое место в этом ряду занимает экспериментальный Хавско-Шаболовский квартал бригады АСНОВА. Мы редко сейчас вспоминаем, что архитектура авангарда не существовала как единая эстетическая программа: это были враждующие группировки с совершенно разными концепциями и идеологией. Конструктивисты (ОСА) больше строили, тогда как рационалисты (АСНОВА) — разрабатывали теорию и преподавали. Именно поэтому единственный реализованный рационалистами в Москве проект особенно интересен. Поставленные под углом 45 градусов к существующей сетке улиц квартал

Первый дом-коммуна на Большой Садовой, д. 10. в Москве

Коммуна рабочего жилищно-строительного кооператива «1-е Замоскворецкое объединение»

иллюстрировал идеи Н.А.Ладовского о восприятии формы и пространства в динамике: при движении он разворачивается к зрителю то высокими угловыми секциями, то камерными «крыльями» со сплошными лентами балконов. Фасады были решены в виде «супрематических» композиций из пятен красного кирпича, серого бетона, белой и охристой штукатурки, чтобы жители могли легче ориентироваться. В центре квартала был общественный центр с библиотекой, клубом, столовой, яслями, ЗАГСом и даже баней, а весь жилмассив называли «коммуной». Сейчас общественный центр надстроен и превращен в жилой дом, но на первом этаже до сих пор работает библиотека с Центром авангарда и галерея «На Шаболовке».

Апологеты домов-коммун выступали за обобществление быта, за строительство таких жилищ, где женщина освобождена от домашнего хозяйства за счёт создания развёрнутой коммунальной инфраструктуры: оборудованные общие столовые, прачечные, бани, ясли и детские сады, школы с горячими завтраками и т.п. А вот существование индивидуального сада или огорода рассматривалось, как проявление собственнических интересов.

С середины 20-х годов наметилась смена тренда на создание городов-садов с малоэтажной застройкой и переходом к строительству

городских жилых комплексов для рабочих в крупных городах страны (Москве, Ленинграде, Баку, Харькове, Свердловске и др.). Проблема нового типа рабочего жилища приобрела практическое значение.

В 1924-1925 гг. прошёл всесоюзный конкурс на дом-коммуну в Харькове, в 1925-1926 гг. Моссовет провел два всесоюзных конкурса на проекты жилых домов для рабочих. В этих конкурсах предусматривалась разработка жилых домов двух разных типов — обычного квартирного жилого дома и дома-коммуны (коммунального дома). А ведь термин «коммуналка» сохранился до сего времени, не имея никакой связи с каким-либо обобществлением или идеологией её существования.

В самом начале первой пятилетки, в конце 1920-х гг, на улицах городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, стали появляться авангардные постройки, обычно приписываемые конструктивистам. В большей степени здания были предназначены для жилья и официально назывались домами-коммунами — своеобразные советские фаланстеры*, перешедшие из XIX в XX в, которые

*Фаланстер — в учении утопического социализма Шарля Фурье дворец особого типа, являющийся центром жизни фаланги—самодостаточной коммуны из 1600—1800 чел., вместе для взаимной выгоды трудящихся.

на этот раз возродились уже на государственном уровне.

В это же время в стране развернулась архитектурная дискуссия о типах рабочих жилищ, главным из которых признавался дом-коммуна. Уже в 1926 г. организаторы всесоюзного конкурса архитектурных проектов поставили задачу «проникнуться новыми запросами к жилищу и возможно скорее дать проект такого дома с общественным хозяйством, который превратил бы так называемый жилищный очаг из тесной, скучной, а подчас и тяжелой стези женщины, в место приятного отдыха и времяпровождения».

Активную позицию занял журнал «СА» («Современная архитектура»), перепечатывая на своих страницах заметки из партийной и комсомольской прессы, посвящённые проектированию и строительству домов-коммун.

Дома-коммуны проектировались для разных городов, но нехватка средств не представляла возможности осуществления всех проектов. Новая жизнь требовала и новых форм организации быта. Активное включение архитекторов-авангардистов в дискуссии о домах-коммунах позволило поставить вопрос о принципах создания архитектурного пространства в этих новых формах жилья, которое должно способствовать искоренению нездоровых навыков и вредных привычек.

Кризисная ситуация с жильём приводила к тому, что эти дома заселялись с нарушением предусмотренного режима их эксплуатации, необходимо было удовлетворять требования сложной функциональной структуры дома-коммуны. Лишь при условии нормального функционирования всех их общественно-коммунальных учреждений и при заселении их жильцами соответствующего семейного положения можно было рассчитывать на успех, а при невыполнении этих требований обеспечить бытовой комфорт, предусмотренный проектом, не представлялось возможным. Но плохая работа коммунальных служб, и тенденции отводить под жильё общественные помещения и передача корпусов, предназначенные для одиноких и

малосемейных для семей с детьми ставила жильцов в условия дискомфорта, что не только не давала возможности объективно оценить достоинства и недостатки экспериментальных домов-коммун, но и вызывало со стороны жильцов резкую критику самого типа дома-коммуны. Из-за нехватки средств дома строились из некачественных материалов, которые вскоре начинали разрушаться. Вот почему у зам. мэра Москвы М.Хуснуллина есть все основания говорить: «эти дома надо оставить как памятники того, чего нельзя строить».

В 1928 г. Центризжилсоюз выработал специальную инструкцию — «Типовое положение о доме-коммуне». Согласно этому документу коммунары, въезжающие в новый дом, должны были отказаться от старой мебели, икон и предметов быта, накопленных предыдущими поколениями, непременно пользоваться общественно-коммунальными службами дома, вести агитацию за новый быт в квартале и на работе и подчиняться решениям товарищеского суда. Таким образом, обосновывалась мысль о том, что нового человека невозможно сформировать в условиях старых жилых пространств, в зданиях с привычной планировкой конца XIX — начала XX вв. Этому постулату жизни в коммуне и должны способствовать в той или иной форме попытки разрушения

привычных границ жизни обывателя, сформированные на основании ранее созданного пространства с привычным наполнением предметами мебели и утвари. Дома-коммуны должны были воплотить в жизнь совершенно новые идеи коллективизации и организации жилищного быта, не обременённого вещизмом, в условиях которого только и было возможно формировать принципиально новые семейные и личностные отношения.

Самое понятие «дом-коммуна» толковалось по-разному. Что касается объёмно-планировочных решений, то часть архитекторов считали, что это должен быть единый архитектурный объём, в котором целесообразно объединить индивидуальные квартиры и коммунальные учреждения. По такому принципу в Ленинграде были спроектированы Бабуринский, Батенский и Кондратьевский жилмассивы. В других сооружениях была произведена попытка реализовать иной тип коллективного жилья, существовавший в двух планировочных формах. Первая — 2-4-х комнатные семейно-индивидуальные квартиры с умывальником, подобием кухни и семейным туалетом. Но санитарно-душевой блок предполагался один на несколько квартир. Вторая форма жилья включала отдельные жилые комнаты, соединённые с небольшим помещением для разогревания пищи. Остальные удобства были общими и располагались в

коридорах. При этом нигде не оговаривалось, на сколько человек должна была приходиться душевая комната, раковина или туалет. Считалось, что такое жилище, а по сути дела совместное использование этих обязательных гигиенических атрибутов нормальной жизни, позволит быстрее осуществить переход к более развитому коллективному быту.

Как вспоминала ленинградская поэтесса О.Берггольц: «Мы, группа молодых (очень молодых!) инженеров и писателей, на паях выстроили его дом-коммуна в самом начале 30-х гг. в порядке категорической борьбы со «старым бытом». Мы вселились в наш дом с энтузиазмом». Поскольку в доме-коммуне при наличии индивидуальных квартир, не были запланированы кухни, то все жильцы сдавали свои продовольственные карточки в общую столовую. Такая практика соответствовала ситуации нормированного снабжения.

Но в 1935 г., когда карточки на продукты питания были отменены, содержание столовой оказалось обременительным и бессмысленным. В целом у «Слезы социализма», как его называли остроумные писатели, было множество недостатков: которые вынуждена была признать О.Берггольц: «Звукопроницаемость же в доме была такой идеальной, что, если внизу, на третьем этаже, играли в блочки или читали стихи, у меня на пятом уже было все слышно вплоть до плохих рифм. Это слишком тесное вынужденное общение друг с другом в невероятно маленьких комнатках-конурках очень раздражало и утомляло». В общем, как говорили сами «слезинцы», попытка «фаланстера на Рубинштейна 7 не состоялась».

Несколько позже, в 1929-1933 гг, в Ленинграде на Петроградской стороне началось строительство дома-коммуны Общества политкаторжан и ссылопоселенцев по проекту архитекторов Г.Симонова, П.Абросимова, А.Хрякова. Построенный в стиле конструктивизма более комфортный дом для элитных жильцов из расчёта один человек на комнату включал в себя не только жилые помещения (145 квартир по 2-5 комнат) с горячим

Дом-коммуна Общества политкаторжан, 1933 г., Санкт-Петербург

«Дом-коммуна». Общежитие №1 Текстильного института   Дом Наркомфина

водоснабжением и ванными, но и столовую-ресторан, амбулаторию, продуктовый спецраспределитель, необходимый в условиях карточной системы, прачечную. Кроме того, планировалось построить дополнительный корпус дома-коммуны на 200 квартир, где должны были разместиться столовая, клубный зал, читальня, детский сектор, амбулатория, стационар, аптека, кооператив, гараж и другие помещения.

Дома-коммуны подразделялись по социальным признакам. Были коммуны двух типов — полного обобществления быта (все бытовые процессы обобществлялись — в том числе приготовление и прием пищи) и переходного типа (наряду с общей столовой в жилых ячейках предусматривались кухонные шкафы). Именно этим руководствовались создатели проекта студенческого дома-коммуны, разработанного в Бюро научно-технических кружков Ленинградского института коммунального строительства. Проект имел название «Октябрь в быту». Предполагалось, что в здании будет проживать одинаковое количество мужчин и женщин, в одинаковых условиях, не выделяясь в особые этажи или корпуса. Дом должен был состоять из двух коечных спален для супружеских пар и четырех коечных «холостых кабин». Питание предполагалось доставлять в термосах с ближайших фабрик-кухонь. А одежду коммунары должны были хранить в «туалетно-вещевых комнатах».

Некоторые архитекторы доводили идею коммуны до абсурда... Так в жесткой форме,

по-большевистски, идею коллективизации быта высказал архитектор Н.Кузьмин в своём дипломном проекте. Он планировал, например, сделать в доме-коммуне общие спальни на шесть человек. Муж и жена на законном основании могли в соответствии с особым расписанием уединяться в «двухспальню» или «кабину для ночлега». Идею Кузьмина пытались реализовать на строительстве Сталинградского тракторного завода. В одной из дискуссий Н.К.Крупская упомянула «Комсомольскую правду», в которой она прочитала об одном описании жилища, где предполагается, что у людей не будет своего угла, семейным будут отведены лишь кабинки для ночевки и только. Она так выразила свой «консервативный» взгляд на семейные отношения: «По-моему, должно быть индивидуальное пользование квартирой, комнатами с общим пользованием, столовыми, читальнями, разными общими комнатами, где можно собраться, поработать, поговорить...».

В Москве строительство домов-коммун развернулось в большем масштабе, чем в Ленинграде. Но здесь было и больше номенклатурных работников, требовавших более комфортных условий проживания. На Новинском бульваре по проекту М.Гинзбурга в 1929 г. был построен дом, вошедший в историю как дом Наркомфина, который строился как дом переходного типа и должен был научить советских граждан жить в условиях социалистической утопии в будущем. В западных источниках он определялся как утопический. Вместе с тем, в отечественных источниках авторы, по крайней мере

советского периода, старались избежать такой трактовки, привычно используя устоявшуюся лексику типа «экспериментальный», «переходного типа» и т. д., не акцентируя внимание на его результатах.

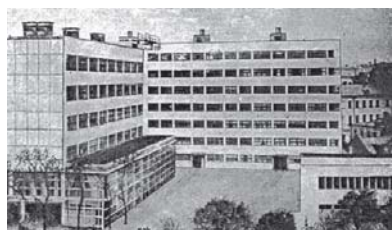
Большое значение архитектор М.Гинзбург уделял цветовому оформлению внутри дома. По его приглашению в Москву прибыл немецкий архитектор Хиннерк Шепер, подобравший цветовую гамму для жилых квартир: голубые и зеленые потолки, оранжевые и синие лестницы, белые и черные двери. Предполагалось, что комплекс будет состоять из четырех корпусов: жилого, коммунального, детского и служебного. Но успели построить лишь два корпуса. Границы индивидуального пребывания жильцов решалась за счет разнообразия планировок квартир: трехкомнатных, рассчитанных на семью с детьми, двухкомнатных — на семейную пару. Санитарные нормы определялись заданием на проектирование и учитывались при проектировании и строительстве дома-коммуны. Большинство квартир были двухэтажными. Правда, кухня предполагалась лишь в относительно больших апартаментах. Помещения туалетных и ваннных комнат отличались аскетизмом. В помещениях на 1-2-х человек место для приготовления пищи не отводилось, но был так называемый «кухонный элемент»: вместо кухни — кухонный шкаф — ниша площадью 1,4 м². Ванную комнату заменяла душевая кабина, часто на две квартиры. Часть идей не прижилась. Например, оказалось, что жители

не хотят есть в коммунальной столовой — уносят обеды домой. Часть экспериментальных материалов оказалась непрочной, и к тому же с плохой звукоизоляцией. На сегодняшний день восточный фасад практически в руинах, многие исторические детали утеряны. Капитальный ремонт, который мог бы решить часть проблем, не проводился 70 лет. Первый капремонт в доме был проведен только в 2000 г.

Дом-коммуна на Гоголевском бульваре, построенный в 1929–1931 гг. был спроектирован той же группой архитекторов под руководством М.Гинзбурга. Дом проектировался для Стройкома РСФСР как новый тип экспериментального жилища, в котором все бытовые потребности людей — питание, гигиенические процедуры и досуг должны были быть отделены от жилого пространства, где предполагалось предаваться исключительно занятиям творчеством, самосовершенствования и отдыха. Этот дом тоже можно отнести к переходному типу: столовая, прачечная, детский сад, спортзал и даже солярий были выделены в отдельные блоки, но в жилых ячейках все же оставили: небольшой кухонный блок, индивидуальный туалет и душевую кабину с редким для того времени горячим водоснабжением и лифтом. В него вселились М.Барщ, И.Милинис, М.Синявский, В.Владимиров, И.Леонидов, А.Пастернак, А.Буров и др.

В конце 1920-х гг. для крупных вузов строятся новые студенческие городки на Ливеннинской аллее, Бахметьевской улице, Всехсвятском переулке, территории бывшей Анненгофской Рожи, Студенческой улице.

Перед архитекторами и инженерами была поставлена задача отдавать предпочтения легким дешевым материалам, облегченным и удешевленным конструкциям, не обращая внимания на их короткие амортизационные сроки. Были разработаны дешевые строительные материалы, в массовом порядке внедрявшиеся в строительство, и недолговечность которых уже легко просматривалась на том этапе. Поощрялось использование в строительстве шлако- и пемзобетонных блоков, ксило-

Дом-коммуна на Гоголевском бульваре

лита, фибролита и т.п.

Жилые дома, где эти материалы были использованы, стали быстро ветшать и разрушаться. Пожалуй, только фибролит для утепления стен и ксилолит для тёплых полов оправдали своё предназначение. В основном это были двух- трехэтажные общежития, которые в послевоенные годы стали в массовом порядке сноситься.

В доме М.Гинзбурга на Новинском бульваре ситуация близка к катастрофе. Сегодня средства нашлись, поэтому в процессе реконструкции, называемой почему-то реставрацией дома Наркомфина (по примеру «реставрации» дома-коммуны бывшего студенческого общежития Текстильного института), потребуется замена почти всех уже давно отслуживших свой срок материалов и конструкций: пустотелые шлакобетонные камни, легкие заполнители, фибролитовые плиты, фанерные двери, брезент (прокладки оконных рам), войлок, всё то, что превратит его в новодел. В конечном итоге, неприемлемые материалы и качество выполненных при строительстве работ дискредитировало авангард, когда из-за отсутствия необходимых средств основной конструктивный материал: кирпич, бетон и древесина заменялся засыпкой шлаковой смесью и деревянным каркасом со штукатуркой по дранке.

Понимая всю безрассудность трат на некачественное жильё, ЦК ВКП(б) постановлением от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта» отмечал, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные, полуфантатические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный

момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрейшей индустриализации страны вместо их размазывания по всем отраслям...Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта».

В передовой статье журнала «Архитектура СССР» №5 за 1936 г. был применён термин «интимность», абсолютно чуждый в то время: «в трактовке жилья должен сказаться элемент известной интимности». Иносказательно этим заявлением подтверждался переход от домов-коммун к посемейному заселению квартир. К идее советских фаланстеров как средству конструирования «нового быта» уже не возвращались. В условиях же суровой социалистической действительности 1920-1930-х гг. утопические попытки создания коллективного жилья — домов-коммун натолкнулись на сложные социально-экономические и культурно-политические реалии, в которых не удалось сконструировать оптимальных границ жизни коммунаров.

Все это проявилось уже в первой половине 20-х гг., когда переход к нэпу и к хозяйственной самоокупаемости городских жилых домов (введение дифференцированной квартплаты) привел к существенным изменениям в самой экономической основе функционирования рабочих домов-коммун. Основанная на бесплатной эксплуатации дома и полном самообслуживании бытовая коммуна уступала место новой форме бытового коллектива — жилищной кооперации с долевым участием членов в финансировании строительства и эксплуатации дома, и с формой личной, а теперь частной собственности на жилплощадь.

Официально коммуны существовали до 1934 г., до XVII съезда ВКП(б), охарактеризовавшего движение по их созданию «как упражнения “левых головотяпов”». К съезду партии стало ясно, что заселение семей может быть лишь покомнатное, а не поквартирное. Революционный романтизм закончился.